

Шестьсот шестьдесят шестой не смел мешать Инь Юю, поэтому молчал, а разговор в комнате продолжался.

Юнь Сю не был глупцом. Помимо того, что старик Цю обеспечивал ему достойный уровень жизни, он также велел приставленным к дому пожилым служанкам обучить юношу многому.

Значит ли эта фраза, что старший господин делает ему намек?

Юнь Сю поневоле начал думать о всяком. Служанка говорила, что нужно быть благодарным за доброту старого господина, а оказавшись на месте, во всем слушаться старшего господина.

Когда старший господин сказал, что пора снять красный хиджаб, имел ли он в виду, что Юнь Сю должен снять его сам, или же старший господин хотел снять его своими руками? В этот момент голова Юнь Сю соображала плохо.

Единственное, в чем он был уверен: пусть он лучше покроет себя позором, но ослушаться требования старшего господина нельзя.

Поэтому Юнь Сю, поддерживая в воздухе свои изящные пальцы над красным хиджабом, произнес голосом, похожим на комариный писк:

— Пусть старший господин поможет мне снять его.

В глубине глаз Цю Чэна мелькнуло удивление, но затем он понял: маленькая жена его просто не так поняла.

После свадебного обряда Юнь Сю пробыл в комнате уже несколько часов. Цю Чэн знал, что его молодая жена чрезвычайно честна и простодушна, и если никто не велит ей снять хиджаб, она так и будет сидеть под ним.

Но ведь если постоянно ходить под этой накидкой, это в конце концов затрудняет дыхание, да и передвигаться не слишком удобно.

Изначально Цю Чэн сказал это из практических соображений, желая подбодрить Юнь Сю и избавить от излишней скованности.

Конечно, лишь изначально.

Юнь Сю сам преподнес Цю Чэну возможность снять вуаль на блюдечке, и тот, повинувшись какому-то странному порыву, вовсе не желал отказываться.

В конце концов, нужно же проявить уважение к отцу, верно?

Оставляя просьбу новоприбывшей молодой жены висеть в воздухе было бы поистине против правил.

Уговаривая себя подобным образом, Цю Чэн направился к Юнь Сю, сидевшему на краю кровати.

Красный хиджаб снимался очень легко: берешь по краям обеими руками и просто приподнимаешь вверх.

Самым главным было вблизи увидеть это прекрасное личико.

Ослепительно красивое лицо предстало перед ним так близко, что Цю Чэн, повидавший на своем веку немало красавиц, затаил дыхание.

У Юнь Сю было манящее, соблазнительное лицо, но глаза — влажные, сияющие, чистые до безумия.

И при этом он смотрел на него снизу вверх.

Просто смертельный удар.

Цю Чэн замер на секунду с красным хиджабом в руках и лишь потом окончательно сорвал его.

Юнь Сю хотел было помочь Цю Чэну принять накидку, но из-за этой заминки их руки случайно соприкоснулись.

Ладонь мужчины оказалась очень широкой. Их соприкосновение длилось всего мгновение: кожа Юнь Сю скользнула по плотному слою мозолей на руке Цю Чэна, ощущаясь жесткой на ощупь.

В ту же секунду контакта Юнь Сю стремительно отдернул руку:

— Про... простите, старший господин.

— Ничего страшного. — Цю Чэн положил красный хиджаб на стол в комнате, ломая голову над тем, почему его молодая жена так его боится.

Семья Цю процветала уже много лет, и если старый господин после ухода от дел остался жить в этом небольшом городке, то лишь потому, что здесь находились корни рода Цю.

Дела же, которыми заправлял Цю Чэн, простирались гораздо дальше на юг, в окрестности Пинчэна.

В это смутное время он, будучи купцом, колесил по стране и общался с самыми разными влиятельными людьми, обладая для этого незаурядной хваткой.

В здешних краях из уважения к Цю Чэну практически не случалось никаких беспорядков.

Люди были благодарны ему за добро, однако отзывы о нем ходили не самые лицеприятные.

Как-никак, человек, промышляющий торговлей в дальних краях, при всем желании не мог выглядеть воплощением добросердечия.

Обычно его именем пугали плачущих по ночам детей.

Сам по себе Юнь Сю отличался робким нравом — как же ему было не бояться?

Раз он боялся, то, естественно, почти не смел раскрывать рот.

Цю Чэн же слишком привык к торговым делам: когда требовалось вести деловые переговоры, равных ему не было, но завести хоть какую-то тему для разговора со своей молодой женой он не умел абсолютно.

В итоге новобрачные супруги хранили взаимное молчание.

Во всей комнате стояла необытная тишина, оба замерли без движения.

Урчание.

Недоуменное урчание в животе Юнь Сю нарушило неловкость между ними.

Только тогда Цю Чэн сообразил, что его молодая жена еще не ужинала.

Сейчас луна уже высоко стояла на небе, и оставалось только гадать, как долго бедняжка голодает.

Изначально Юнь Сю хотел стерпеть, надеясь по возможности не доставлять хлопот старшему господину, но его собственный живот повел себя предательски и громко заурчал от голода.

Смущенный юноша прикрыл живот руками и виновато улыбнулся Цю Чэну:

— Простите, старший господин.

От этой улыбки сердце невольно сжималось от жалости.

Цю Чэн перехватил Юнь Сю за запястье и, сжав губы, произвел:

— Тебе не за что извиняться, это моя недоработка. Пойдем, поедем чего-нибудь.

Слуги были заняты уборкой парадного двора после праздничного застолья для гостей, а увидев, что Цю Чэн направился в личный дворик Юнь Сю, и вовсе никто не смел соваться туда.

Поэтому в этом дворике оставались лишь они вдвоем с Цю Чэном.

Поместье Цю было огромным. Старый господин, зная, что его сын вряд ли захочет делить кров с женой-мужчиной, специально выделил Юнь Сю великолепный отдельный дворик с собственной маленькой кухней.

Этот дворик и флигель были приведены в порядок совсем недавно, так что утвари на маленькой кухне оказалось немного — лишь сушеная лапша да кое-какие овощи.

Цю Чэн за запястье привел Юнь Сю на маленькую кухню и, заметив, что тот, облаченный в свадебные одежды, споро и решительно принялся разводить огонь, так опешил, что в испуге воскликнул:

— Старший господин!

— А? Что такое? — Цю Чэн совершенно не осознавал, что в его поступке есть что-то неправильное, и, ничуть не брезгуя сажой у кухонной плиты, принялся раздувать пламя.

— Как же вы можете разводить огонь! — Юнь Сю своими мягкими, словно лишенными костей ручками лег на запястье Цю Чэна, пытаясь вытянуть его из-за печки.

Цю Чэн, будучи торговцем, исходившим вдоль и поперек чужие края, обладал огромной силой — разве мог Юнь Сю сдвинуть его с места? Однако, поскольку ему очень нравилось, как Юнь Сю пытается его оттащить, он все же поддался усилию юноши и поднялся.

— Тогда я позову слугу, чтобы тебе приготовили ужин. Чего бы тебе хотелось? — осознав, что излишняя пылкость может смутить Юнь Сю, Цю Чэн отказался от мысли готовить для него лично.

Бросив беглый взгляд на скудные припасы, Юнь Сю понимающе произнес:

— Сварите мне миску лапши, чтобы заморить червячка, этого будет достаточно.

— Хорошо, тогда сначала вернемся в комнату, на улице холодно, как бы ты не простудился.

Проводив Юнь Сю обратно в комнату, Цю Чэн быстрыми шагами вышел наружу, чтобы разыскать кухарку.

Лишь тогда Шестьсот шестьдесят шестой подал голос в голове Инь Юя:

[Ой-ой-ой, хозяин, ошибка! Ошибка! Все не так!]

[Каким должен был быть изначальный сюжет?] Инь Юй погладил по виртуальной шерстке рыдающего Шестьсот шестьдесят шестого, интересуясь подробностями.

[Изначально, изначально все должно было быть иначе! Цю Чэн заглядывал в дворик Юнь Сю лишь за тем, чтобы заявить: он совершенно равнодушен к мужчинам. А затем обсудить с Юнь Сю то, как они будут соблюдать видимость взаимного уважения на глазах у старика, пообещав отпустить Юнь Сю на свободу, как только старый господин отправится на небеса.]

Равнодушен?

Инь Юй встретился взглядом с вошедшим в двери флигеля Цю Чэном, который держал в руках миску с лапшой, и лучезарно улыбнулся, согнув глаза в полумесяцы.

И что же это за равнодушие такое?

<http://bllate.org/book/22450/2359755>